

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СРЕДСТВ КРИМИНАЛИСТИКИ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА**

М. О. Баев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 июля 2013 г.

Аннотация: *рассматривается использование адвокатом-защитником средств криминалистики с позиции исследования и использования им доказательственной информации, оправдывающей подзащитного или смягчающей его ответственность. Анализируется основное направление криминалистической деятельности адвоката-защитника с учетом ошибок и недостатков, допущенных органами уголовного преследования в трех методологически значимых направлениях их деятельности: формирование доказательств; криминалистическое распознавание; версионная деятельность.*

Ключевые слова: *адвокат-защитник, криминалистические средства, криминалистическая деятельность.*

Abstract: *the article deals with the use of criminalistic tools by a defense-lawyer from the position of the exploration and use of evidentiary information justifying the defendant or softening of his responsibility. The main direction of criminalistic activities of the defense-lawyer is analysed with regard to errors and shortcomings made by criminal prosecution bodies in three methodologically important directions of their activity: formation of evidence; criminalistic recognition; versioned activities.*

Key words: *defense-lawyer, criminalistic tools, criminalistic activities.*

Вся процессуальная деятельность адвоката – защитника лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, состоит в допустимом и рациональном представлении, исследовании и использовании доказательственной информации, оправдывающей подзащитного или смягчающей его ответственность, обеспечении его прав и интересов в уголовном судопроизводстве. Иными словами – воспользуемся выражением А. Ф. Кони – во всемерном отстаивании позиции, что его клиент не виноват вовсе или виноват вовсе не в том и не так, в чем и как его обвиняют.

Основой деятельности защитника, как, впрочем, и лиц, профессионально осуществляющих уголовное преследование, в свою очередь, является деятельность информационно-познавательная, собственно криминалистическая деятельность. В противном случае, и уголовное преследование, и профессиональная защита от него превращаются в формальное выполнение процессуальных обязанностей, и тогда, как писали о том более 80 лет тому назад В. Громов и Н. Логовиер, «вместо доподлинного расследования и искания истины оказывается чисто обрядовая ре-

гистрация всевозможных фактов, которые всплыли сами собой». Поэтому криминалистическая деятельность является «подводной частью» любого уголовно-процессуального исследования преступлений, независимо от того, кем из профессиональных субъектов судопроизводства это исследование осуществляется.

Предопределяется это единство несколькими объективными обстоятельствами.

Во-первых, единством объекта уголовно-процессуального исследования в целом, который заключается в системе, состоящей как минимум из трех подсистем: преступление, обстоятельства его совершения и лицо, совершившее преступление. И уголовное преследование, и профессиональная защита от него изучают этот объект, но каждый представитель состоящих в уголовном судопроизводстве сторон, изучая его, использует методы и средства криминалистики со своих позиций, в своих целях, обусловленных своей уголовно-процессуальной функцией.

Во-вторых, все профессиональные субъекты уголовно-процессуального исследования преступлений «играют на одном поле», в качестве которого выступает уголовное судопроизводство и границы которого достаточно строго очерчены уголовно-процессуальным законодательством. При этом все они подчиняются очерченному законом процессуальным правилам «игры», что в конечном счете находит свое выражение в процессуальном статусе конкретного «игрока» – системы прав и обязанностей того или иного профессионального участника уголовно-процессуального исследования преступлений (следователя, прокурора, защитника и др.); в связи с этим возможности использования методов и рекомендаций криминалистики различны и соответствующим образом интерпретируются в зависимости от его уголовно-процессуальной функции и правового статуса.

Арбитр у них един – суд, оценивающий соблюдение сторонами правил процессуальной игры, соответствующим образом реагирующий на их нарушения и подводящий итоги «игры» – состязательного уголовного процесса, путем постановки обвинительного или оправдательного приговора, принятия другого итогового процессуального решения по уголовному делу.

В-третьих, это единство обуславливается тем (это, пожалуй, наиболее важно), что и лица, осуществляющие уголовное преследование, и лица, профессионально осуществляющие защиту от него, в криминалистическом отношении «работают» с одним и тем же материалом – со следами, возникающими в результате реализации субъектом механизма совершения преступления, возможности переработки которых зависят от складывающейся криминалистической ситуации (в соответствующей интерпретации которой применительно к деятельности лиц, осуществляющих уголовное преследование и профессиональную защиту от него). Информационно-познавательные закономерности, которым подчиняются эти процессы, и составляют предмет криминалистики.

Именно поэтому адвокат – защитник лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, в своей деятельности обязан использовать все достижения этой науки. Особое значение имеет учет адвокатом прагматической значимости для успешной защиты результатов проявления изученных криминалистикой в целом и отдельными ее теоретическими учениями закономерностей информационно-познавательного процесса в рамках уголовного судопроизводства и особенностей их преломления в средствах ее «разработочных, прикладных» разделах – криминалистической техники, криминалистической тактики и методики расследования преступлений определенных криминалистических видов, а главное – осмысленное, целеустремленное и активное их применение в правозащитной деятельности.

В то же время основополагающим принципом уголовного судопроизводства любого правового государства является принцип презумпции невиновности, в соответствии с которым каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность в уголовном процессе; бремя доказывания виновности обвиняемого всецело возлагается на лиц и органы, осуществляющие уголовное преследование.

Сказанное в целом предопределяет основное стратегическое направление всей криминалистической деятельности защитника. Оно же – с учетом уголовно-процессуальной функции адвоката в уголовном процессе и предмета защиты – по большинству уголовных дел состоит в обосновании криминалистической неполноты, ущербности, а потому – недостоверности конкретных, сформированных органами уголовного преследования доказательств и/или недостаточности их совокупности для уголовного преследования (обвинения) его подзащитного в совершении инкриминируемого ему преступления. По сути, как некогда заметил Р. С. Белкин, в уголовном судопроизводстве адвокат выступает в роли санитаря правосудия, не допускающего уголовного преследования подзащитного без наличия для того должных законных и достаточных оснований (с учетом и использованием всех достижений криминалистики).

Ущербность в обвинительной деятельности органов уголовного преследования, в свою очередь, является прямым следствием ошибок и недостатков, допускаемых следователями¹, главным образом, в трех имеющих методологическую значимость направлениях их криминалистической деятельности.

Здесь, в первую очередь, имеются в виду недостатки и ошибки следователя, допущенные им:

А) при обнаружении уголовно-релевантной (доказательственной) информации и при формировании на этой основе судебных доказательств;

---

¹ Под следователем здесь и далее понимаются и все другие лица, осуществляющие уголовное преследование, а также суд.

Б) в процессе осуществления криминалистической идентификации (других видов криминалистического распознавания);

В) в своей версионной деятельности.

Адвокат должен не только знать соответствующие методологические положения криминалистики, уметь оценивать полноту, всесторонность и объективность восприятия и учета их следователем при уголовном преследовании подзащитного, но и рационально использовать результаты их объективного проявления, соответствующим образом их экстраполировать в криминалистической деятельности по достижению своей указанной выше стратегической цели по каждому уголовному делу.

Первые из постулатов, составляющих методологическую основу использования средств криминалистики адвокатом-защитником, таковы.

А.1. Для совершения преступления, относящегося к тому или иному виду, лицу независимо от его субъективных качеств и криминальной ситуации (о значимости которых в рассматриваемом здесь криминалистическом аспекте речь пойдет ниже) необходимо совершить ряд типовых действий.

Сущность и характер этих действий предопределяются содержанием соответствующей главы Общей (в частности, расположенной в ее разделе 2 – понятия преступления, его субъекта, формы вины, виды соучастия и т.д.) и Особенной частей УК РФ (объектом посягательства). А если рассматривать эту проблему с сугубо прагматических позиций, то в первую очередь – содержанием диспозиции отдельной нормы (норм) уголовного закона, которая очерчивает непосредственный объект и предмет определенного уголовно наказуемого посягательства, мотивами совершения преступления, а также реально возможными способами реализации субъектом объективной стороны диспозиции этого преступления.

Оговоримся: совершая преступление, субъект, разумеется, осмысленно не ориентируется, насколько «вписываются» его действия в диспозицию той или иной статьи Уголовного кодекса (исключением являются преднамеренные преступления, в частности скрывающиеся инсценировками, либо носящие заказной характер). Однако их противоправность, уголовно-правовая наказуемость всецело предопределяются их соответствием определенным моделям, в качестве которых выступают диспозиции уголовно-правовых норм.

Можно с весьма высокой степенью вероятности предположить, что способы совершения преступлений одного вида достаточно стабильны. Отступления от них, появление новых (и самих способов, и их вариаций) не так часто встречаются в практике расследования преступлений (хотя, несомненно, таковое имеет место быть, в частности под влиянием изменения экономических отношений в обществе, а также возможностей использования достижений научно-технического прогресса в криминальных целях).

Мотивация преступлений как элемент механизма их совершения еще более стабильна, чем способы преступной деятельности. Она колеблется в достаточно узком, исторически мало изменяющемся диапазоне – от

личных отношений между субъектами (зависти, ревности, бытовых конфликтов и др.), желая удовлетворить противоправным образом свои личностные потребности (в том числе извращенные) до социальных и экономических причин криминальной деятельности.

Непосредственная мотивация совершения преступления того или иного вида обосновывается тем, как закон предопределяет действия субъекта по ее реализации: одни действия преступника рассматриваются как совершение убийства с целью завладения имуществом потерпевшего; другие – как совершение убийства (может быть, того же потерпевшего и в тех же условиях) по сексуальным мотивам. То же самое прослеживается при изучении механизма совершения квартирных краж: мотив одних действий преступника – завладение определенными предметами (антиквариатом, картинами, орденами, монетами и другими объектами нумизматики и др.), мотив других – «взять, что попадет под руку».

Любое преступление для субъекта, его исследующего, – всегда событие прошлое, уже произошедшее, ретроспективное. Поэтому при осуществлении уголовного преследования и профессиональной защиты от него эти субъекты имеют дело с единственным материалом – со следами, объективно возникшими в каждом конкретном случае в результате реализации лицом, совершившим преступление, диспозиции той или иной уголовно-правовой нормы.

Из сказанного следует следующий постулат.

А.2. Типовые действия, которые преступник вынужден совершать при приготовлении, исполнении и сокрытии преступления криминалистически определенного вида, его мотивы и способы выполнения неизбежно и неукоснительно ведут к возникновению типовых следов на типовых объектах, соответствующих преступлениям этого вида, их мотивации и способам реализации. Иными словами, обуславливают механизм следообразования как объективно возникающего отражения (отображения) механизма самого совершения преступления. Результаты этого процесса отражения возникают и существуют объективно, вне воли и сознания воспринимающих их субъектов.

Обусловленные механизмом совершения преступления, относящегося к определенному виду, материальные и идеальные следы отражаются на соответствующих этому материальных объектах и в памяти так или иначе вовлеченных в орбиту совершения преступления лиц (потерпевших, свидетелей). Очевидно, что количество их различно и зависит от конкретного вида преступления: по преступлениям одного вида (например, насильственных) возникает множество следов материальных; другого вида (например, должностных и служебных) – следов идеальных. Также обстоит дело со следами, отражающими участие отдельных лиц в совершении преступления, носящего групповой характер: действия исполнителя, как правило, влекут возникновение следов материальных, его интеллектуальных соучастников, таких как организатор и подстрекатель, – чаще всего следов идеальных.

Процесс осознания криминалистического значения все большей части объективно возникающей информации перманентно поступателен. Характерным примером тому является понятие виртуальных следов преступления, основанного на том, что особенности компьютерных (высоких электронных) технологий, используемых часто на различных стадиях преступной деятельности (от приготовления к совершению преступления до его сокрытия), вне зависимости от желания пользователя влекут возникновение информации, которую можно использовать в криминалистических целях.

Именно на обосновании того, что обнаруженные следователем следы объективно не подтверждают все или отдельные, наиболее важные в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном значении обстоятельства совершения подзащитным инкриминируемого ему преступления, адвокат, как правило, строит защиту своего клиента.

Приведем элементарные примеры: отсутствие отпечатков пальцев рук обвиняемого на орудии убийства в случае объективного установления того, что на руках обвиняемого в момент совершения преступления не было перчаток и что отпечатки пальцев после совершения преступления не уничтожались, ставит под обоснованные сомнения факт совершения данного преступления именно этим лицом. Несовпадение группы спермы, обнаруженной в организме потерпевшей от изнасилования, и группы биологических выделений обвиняемого исключает возможность совершения этого преступления данным лицом.

Типовой механизм совершения преступления определенного вида существенно трансформируется под воздействием на него личности преступника, его психических, интеллектуальных, психолого-физиологических и, наконец, просто физических свойств и особенностей; каждый преступник вносит в типовой механизм преступного поведения нечто свое, личностное.

Личностные факторы, имеющиеся у субъекта навыки исполнения тех или иных действий нередко обуславливают и особенности способов реализации им умысла на совершение преступления, что дает основание для выдвижения соответствующей следственной версии.

Криминальная ситуация во многом предопределяется также особенностями личности, совершающей преступления определенных видов. Субъект преступления либо использует сложившуюся ситуацию, либо, напротив, конструирует ситуацию, наиболее благоприятную, по его мнению, для реализации имеющегося у него или незадолго до того возникшего преступного умысла. Факты совершения преступлений без учета их субъектами складывающейся благоприятной или не благоприятной для того ситуации нечасты, более всего они характерны для так называемых «спонтанных» преступлений.

Эта специфика всецело предопределяет интерпретацию достижений частных криминалистических теорий, технических и тактических средств при осуществлении профессиональной защиты по конкретным уголовным делам.

Рассмотрим третий методологически важный для осуществления как уголовного преследования, так и профессиональной защиты от него постулат.

А.3. Типовые действия, необходимые для совершения преступления определенного вида, влекущие возникновение типовых следов на типовых для того объектах, с методологической точностью предполагают возможность их обнаружения, извлечения, исследования и использования типовыми действиями следователя и других лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование (как некогда заметил Г. Логфелло, «предвиденное должно обнаружить»).

В то же время следы, объективно возникающие в результате совершения преступления, сами по себе – не есть судебные доказательства. Таковыми они становятся лишь в результате их извлечения и переработки следователем в соответствующей для каждого из формируемого доказательства уголовно-процессуальной форме.

Основными из этих типовых действий являются (что очевидно) следственные действия и судебные действия следственного характера, исчерпывающий перечень которых регламентирован уголовно-процессуальным законом (а также ряд других мероприятий, им предусмотренных, например, получение доказательственной информации в результате проведения допустимых для использования в уголовном процессе оперативно-розыскных (негласных) действий, и др.).

Зная гносеологические возможности каждого из следственных и других действий и мероприятий по собиранию, исследованию и использованию отдельных видов следов преступления, возникающих (повторим) на типовых объектах и типовых по своему криминалистическому содержанию, можно без особого труда составить их набор, минимально необходимый для уголовно-процессуального исследования конкретного преступления криминалистически определенного вида.

Отсюда следует, что одним из наиболее существенных направлений процессуальной деятельности адвоката-защитника является углубленное криминалистическое обоснование того, что: а) при осуществлении уголовного преследования следователем не использованы все необходимые криминалистические возможности для формирования доказательств, оправдывающих подзащитного или смягчающих его ответственность; б) при формировании судебных доказательств обвинения следователем допущены невозполнимые криминалистические ошибки и упущения, ставящие под сомнение достоверность того или иного доказательства.

Как известно (О. Я. Баев, Т. С. Волчецкая, Л. Я. Драпкин и др.), возможности переработки следователем, иным субъектом уголовно-процессуального исследования преступления следов обуславливаются складывающейся для него криминалистической ситуацией (следственной, защитной). Он нее, если не всецело, то во многом, зависит и последовательность направленных на то следственных действий и других мероприятий по доказыванию, и характер обстоятельств, на выяснение которых каждое из них направлено.

Для защитника при возникновении той или иной ситуации, в первую очередь, важна не объективная информация по делу, а субъективное отношение подзащитного к сущности предъявленного ему обвинения (возникшего в отношении его подозрения) в совершении преступления. Обусловлено это тем, что в соответствии со своим правовым статусом адвокат в принципе не может занимать позицию, противоречащую его позиции в отношении осуществляемого против подзащитного уголовного преследования (не считая ситуации, когда адвокат убежден в его самооговоре).

Именно это обуславливает возможности и направления последовательности и рационального выявления адвокатом обстоятельств, оправдывающих подзащитного или смягчающих его ответственность.

С учетом этого можно выделить несколько вариантов, направлений защиты лица, не признающего себя виновным в совершении инкриминируемого ему преступления:

а) обоснование того, что деяние не имело места вообще либо имевшее место событие не носит преступного характера, независимо от субъекта, его учинившего;

б) обоснование, что преступление не могло быть совершено подзащитным, в частности в связи с наличием у него алиби либо по другим объективным причинам;

в) обоснование отсутствия во вмененном подзащитному деянии того или иного необходимого элемента состава предъявленного ему преступления (например, обоснование того, что подзащитный не является субъектом инкриминированного ему преступления);

г) обоснование недостаточности или (и) недопустимости избыточных подзащитного доказательств;

д) обоснование нарушения органами следствия или суда принципа законности и обоснованности уголовного преследования в целом.

С этими положениями неразрывно связаны, во многом из них вытекают и ими обуславливаются возможности и необходимость использования адвокатом-защитником познаний в области криминалистического распознавания – идентификации, диагностики и ситуалогии. Из всех названных видов криминалистического распознавания наиболее значима идентификация – установление тождества исследуемого объекта по его следам (образцам) или отсутствие такового.

Б. Основными причинами ущербности в осуществлении криминалистической идентификации в уголовном преследовании являются:

Б.1. Осуществление идентификации по недостаточному комплексу общих и частных идентифицирующих признаков.

В первую очередь, такие ошибки наиболее характерны и очевидны для идентификации следователем личности или предмета путем предъявления для опознания.

Для обоснования ущербности осуществленной таким образом идентификации защитнику следует не только скрупулезно оценивать соблюдение следователем уголовно-процессуального порядка производства этого след-

ственного действия, но и раскрывать гносеологическую и криминалистическую значимость допущенных ошибок, ставящих под сомнение достоверность полученных результатов проведенной идентификации.

Б.2. Однако эта же причина, как показывает практика, достаточно характерна и для экспертной идентификации, осуществляемой специалистами на основании постановления о ее производстве следователя (определения суда), и выражается в таких случаях в несоответствии выводов проведенной идентификации исследовательской части экспертного заключения.

Б.3. Игнорирование экспертами в своих исследованиях современных достижений криминалистики в части возможности идентификации отдельных уголовно-релевантных объектов, повышающих обоснованность и достоверность выводов экспертного заключения.

Б.4. Использование в производстве экспертной идентификации методов и методик исследования, не имеющих должного научного обоснования (так называемых «невалидных» методик).

Характерными примерами таковых в настоящее время являются экспертные диагностические исследования на выявление «виновной осведомленности» подозреваемого/обвиняемого об обстоятельствах инкриминируемого ему преступления, производимые с помощью технических устройств типа «полиграфа», либо достоверности «признательных» показаний этого лица, от которых в ходе дальнейшего производства по уголовному делу он отказался, – вплоть до производства экспертами «психолого-вокалографических» (!) по этому поводу исследований, назначенных следователем. Однако, по авторитетному мнению ряда известных ученых, общепринятых методик подобных исследований в современной научной психологии не существует (В. Е. Коновалова, А. А. Эксархополо и др.).

Таким образом, следующий очевидный, но, увы, далеко не всегда на практике соблюдаемый, криминалистической значимости постулат: защитник для успешного осуществления своей профессиональной деятельности должен не только углубленно знать теорию криминалистической идентификации и с этих позиций выявлять допущенные следователем недостатки в ее производстве по конкретным уголовным делам, но и постоянно держать «руку на пульсе» современных ее достижений в части возможности научно обоснованной идентификации отдельных уголовно-релевантных объектов.

Эта необходимость обуславливается тем, что в настоящее время трудно встретить уголовное дело, при расследовании которого не применялись бы специальные познания в различных формах: от участия специалиста в производстве отдельных следственных действий до производства сложнейших экспертиз, нередко дающих наиболее важные в доказательственном смысле результаты. Весьма часто, как показывает практика, при этом допускаются ошибки, которые можно и нужно использовать защитнику в своей деятельности. Диапазон этих ошибок достаточно широк:

а) ошибки, связанные с обнаружением, изъятием и хранением объектов, которые в дальнейшем подвергаются экспертным исследованиям.

«Штатными» примерами таких ошибок могут служить: не отражение в протоколе осмотра места происшествия (обыска) факта изъятия обнаруженного предмета; отсутствие в соответствующем протоколе сведений об условиях изъятия и хранения предмета, помещение его в полиэтиленовый пакет, опечатывание и т.п.), о весе и объеме изымаемых веществ (если таковые имеют значение для дела, например при обнаружении веществ растительного происхождения, которые, возможно, являются наркотическими, и др.);

б) ошибки следователя при назначении экспертиз. Диапазон их также весьма широк: от искажения исходных данных, значимых для экспертного исследования, в описательной части постановления и некорректной формулировки вопросов, предлагаемых для разрешения экспертам, до нарушения прав обвиняемого, связанных с назначением и производством экспертиз;

в) ошибки, допускаемые при производстве экспертиз и в сделанных экспертом выводах.

Все это предопределяет необходимость для адвоката широкого применения специальных познаний при осуществлении защиты по уголовному делу. Формы того различны: от получения по собственной инициативе заключения специалиста по интересующим его вопросам, ходатайств о назначении судебной экспертизы (первоначальной, дополнительной, повторной) до личного присутствия (с разрешения следователя, суда) при ее производстве и до участия в допросах специалиста и эксперта на предварительном следствии и в суде.

В. Третьим методологически принципиально важным системным положением, обуславливающим необходимость возможности и направления использования защитником средств криминалистики, являются теоретические основы версионной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Дело в том, что вывод следователя о доказанности виновности подзащитного – есть не что иное, как в большей или меньшей степени обоснованная версия, которая подлежит проверке в ходе состязательного уголовного судопроизводства.

Однако версия как результат логического рассуждения – идеальна, неосязаема. Проверяемыми практически являются лишь следствия, вытекающие из него – из определенной версии (В. Е. Коновалова, А. М. Ларин, Я. Пещак, В. Ю. Шепитько и др.).

Материальные и нематериальные следы – следствия преступления выступают, с одной стороны, в качестве основания информационной базы выдвижения соответствующей криминалистической версии, предположительно объясняющей одну из возможных причин возникновения этих следов. С другой стороны, следствия неизбежно должны нести на себе отпечатки (следы) причины. Это положение – перенос структуры от причины к следствию, т.е. отображение первой во второй, является, как известно, фундаментальной чертой динамики процесса причинения, лежит в основе свойства отражения.

Из этого методологического положения следует, что причина ведет к своему исчерпывающему отражению в следствиях своего действия, и если предполагаемая причина (версия) – истина, то она должна быть с исчерпывающей полнотой представлена в необходимых следствиях (следах) своего действия. Иными словами, если версия следователя о виновности подзащитного адвоката достоверна и, по его мнению, является истиной, то все вытекающие из нее необходимые следствия должны быть объективно установлены и доказаны.

Небольшой гипотетический пример для иллюстрации этого положения.

Органами уголовного преследования Петров обвиняется в том, что он в определенном месте и в определенное время совершил убийство Иванова, смерть которого последовала от ударов ножом.

Что следует из этой версии? Какие необходимые следствия из нее вытекают (иными словами, что в подтверждение ее достоверности должен установить следователь)? Их как минимум три:

- 1) Петров в момент нанесения Иванову ножевых ударов находился на месте убийства;
- 2) у Петрова на момент убийства Иванова был нож, которым потерпевшему наносились удары;
- 3) Петров имел мотив для убийства Иванова.

Необходимые следствия должны быть выведены – и найти себе подтверждение для обоснованного уголовного преследования подзащитного адвоката, и из частных версий, связанных с версией общей.

В нашем гипотетическом примере: о совершении Петровым убийства потерпевшего – о форме вины, мотивах преступления и т.д. Например, если частная версия гласит, что Петров завладел имуществом потерпевшего, то из этого с необходимостью следует, что эти ценности находятся у Петрова, либо после совершения преступления он как-то иначе распорядился ими по собственному усмотрению.

Неустановление хотя бы одного (и «всего лишь» одного) необходимого следствия, вытекающего из версии о виновности обвиняемого в совершении преступления, влечет неполноту и необъективность расследования, делает необоснованным привлечение лица к уголовной ответственности, влечет следственную и нередко, к сожалению, судебную ошибку в установлении виновности обвиняемого.

Думается, именно этим можно объяснить следственную и судебную ошибки в деле «отцеубийцы» Дмитрия Карамазова в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского. Казалось бы, нашли подтверждение все необходимые следствия, вытекающие из версии о его виновности: и присутствие Дмитрия на месте происшествия, и наличие у него орудия убийства (пестика), и несомненное и всем очевидное наличие мотива, и т.д. И всего лишь одно необходимое следствие не было подтверждено. Его можно сформулировать так: «Если Дмитрий Карамазов убил отца и завладел при этом тремя тысячами рублей, то, следовательно, эти деньги либо находятся у него, либо он их растратил, либо кому-то передал». Показания

же Карамазова о том, что израсходовал он в Мокром не более полутора тысяч из «ладанки», и других денег у него нет и не было, ни следствием, ни судом опровергнуты не были; следовательно, необходимое следствие из версии не было установлено, но, как нередко бывает, «мужички за себя постояли».

Когда практическая проверка докажет, причем достоверно и однозначно, существование всех необходимых следствий, вытекавших из общей и частных версий, только тогда они перестанут быть версиями. Если хотя бы одно из необходимых следствий не подтверждено органами уголовного преследования всесторонне, полно и объективно, версия остается (воспользуемся выражением А. М. Ларина) лишь версией, а не приобретает характер истины.

Криминалистическая составляющая деятельности защитника всецело должна быть направлена на обоснование того, что некое необходимое следствие из общей и/или частной версии, сформулированной в обвинительном тезисе применительно к его подзащитному, не подтверждена результатами осуществленного уголовного преследования. Следовательно, деяние и обстоятельства его совершения, инкриминируемые его клиенту, с должной достоверностью не установлены, поэтому не могут быть положены в обоснование его уголовной ответственности.

Широк также и диапазон используемых защитником криминалистических средств; они в зависимости от вида преступления, фабулы и обстоятельств конкретного вменяемого подзащитному деяния, складывающейся защитной ситуации могут быть и технико-криминалистическими, и тактическими, и собственно методическими (учитывающими особенности осуществления уголовного преследования преступлений отдельных видов).

Воронежский государственный университет

Баев М. О., доктор юридических наук, профессор кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности

E-mail: juristar@mail.ru

Тел.: 8 (473) 255-07-19

Voronezh State University

Baev M. O., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Organization of Judiciary and Law Enforcement Department

E-mail: juristar@mail.ru

Tel.: 8 (473) 255-07-19